

Когда они добрались домой, уже заходил закат. Солнце медленно опускалось за вершины гор, и небо постепенно темнело. После долгой и подробной беседы совсем стемнело, в столице в каждом доме зажглись фонари, и улицы озарились ярким светом. Торговцы даже не думали сворачивать лавки, людей на улицах стало только больше. Знатные молодые господа прогуливались со складными веерами, то и дело отпуская шуточки в адрес проходивших мимо девиц и барышень — царило необычайно оживленное зрелище.

На улице было шумно, и в доме царило то же оживление. Чжан Мин велел служанкам убрать комнаты для меня и Юньси, а затем отправился проводить нас на новое место.

Я последовал за служанкой в восточное крыло. Несмотря на огромные размеры, этот просторный дом предназначался только для меня одного. Распахнув дверь, я сразу же заметил круглый деревянный стол с чайным сервизом. На стене висела большая картина, изображавшая шумные торговые улицы Янчжоу в Цзяннане, какими они были, когда мне исполнилось шесть лет. Работа поражала своей живостью и детализированностью — оставалось только гадать, чьей кисти она принадлежала. Пройдя внутрь, я обратил внимание на удивительно гладкий черный каменный пол. Стоило завернуть направо, как открывалась другая комната: в самом ее центре лежали большие ковры, слева стояла деревянная кушетка, на которой запросто поместились бы двое. Посреди кушетки возвышался низкий квадратный столик, а на нем — небольшой курильщик, из которого вились тонкие струйки дыма. Напротив кушетки красовались две длинношеие вазы для цветов. Миновав эту проходную комнату, я наконец оказался в своей спальне. Широкая кровать вместила бы до пяти человек, а на ней стопкой лежали аккуратно сложенные одеяла и шелковые подушки. Рядом с кроватью на полу лежал деревянный настил толщиной сантиметров в пять, судя по всему, предназначенный для обуви, а у изголовья стоял туалетный столик. Здесь действительно было абсолютно всё необходимое. Осмотрев всё это, я лишился дар речи. Дом, в котором я жил в Янчжоу, не шел ни в какое сравнение с этой роскошью, и теперь я даже начал сомневаться, не дворец ли это.

— Послушай... это и есть моя комната? — с некоторым сомнением спросил я, не до конца веря своим глазам.

— Да, Ваше Высочество, — ответила одна из четырех сопровождавших меня служанок, почтительно склонившись в поклоне.

У меня слегка закружилась голова, и я присел на деревянную кушетку в средней комнате. Окажись эта палата в современном мире, из нее наверняка сделали бы целый музей.

— Скажи, старшая сестра, не знаешь ли ты, где находится купальня? Я хочу искупаться.

Служанка при этих словах ужасно испугалась, тут же опустилась предо мной на колени и торопливо заговорила:

— Ваше Высочество, вы губите меня! Ничтожная рабыня — презренная девчонка, разве я достойна того, чтобы Ваше Высочество называл меня старшей сестрой? Прошу вас, возьмите

свои слова назад!

При этом она продолжала беспрерывно бить поклоны.

— Сестрица, ну что ты опустилась на колени? Вставай же! — видя такое дело, я растерялся и тут же бросился поднимать служанку, но та наотрез отказывалась вставать.

— Если Ваше Высочество не возьмет свои слова назад, рабыня ни за что не поднимется.

— Послушай... По моему разумению, все люди равны, и нет среди них благородных или подлых, зачем же ты так убиваешься? — я не нашел другого выхода, кроме как встать неподалеку и, беспомощно почесывая затылок, обратиться к служанке.

Служанка явно опешила, не ожидая услышать от меня подобное, а затем снова принялась кланяться:

— Нет, Ваше Высочество столь благороден, разве могут такие ничтожные создания, как мы, сравниться с вами? Мы недостойны.

Я потерял дар речи: феодальные предрассудки в древности пустили слишком глубокие корни. Мне пришлось пойти на уступку:

— Тогда как тебя зовут?

— Рабыню звать Лоулань.

— Вот и ладно, я больше не буду называть тебя старшей сестрой, поднимайся.

— Благодарю Ваше Высочество.

Когда Лоулань выпрямилась, я заметил на ее лбу огромное красное пятно, которое уже начинало опухать. Должно быть, ей было очень больно...

— Скажи, Лоулань, где находится купальня? — обратился я к ней.

— Отвечая Ваше Высочество, изволите пожелать омовения?— Угу. — Я кивнула.

— Тогда эта служанка проводит вас, валовая светлость, прошу за мной.

С этими словами Лоулань вышла из комнаты и направилась вперед. Я последовала за ней по пятам. Миновав сад, мы подошли к просторному отдельному зданию. Войдя внутрь вслед за Лоулань, я обнаружила, что пространство разделено большим ширмой-экраном. За ней

скрывалась огромная купальня, размером не уступающая плавательному бассейну. Пол был выложен нефритовыми плитами, всё выглядело невероятно роскошно.

— Ваша светлость, это ваша личная купальня, — представила помещение Лоулань.

— А? Какая огромная! — изумилась я.

Лоулань тихонько хихикнула и произнесла:

— Ваша светлость может искупаться здесь, а я пойду приготовлю вашу одежду. Если что-нибудь понадобится, можете сразу звать меня.

Закончив говорить, она удалилась, при этом очень аккуратно и бесшумно притворив за собой дверь.

— Черт побери, это же... сплошное клише, — внезапно вырвалось у меня от нехватки слов.

Тут же скинув обувь и одежду, я развязала стягивающий грудь бихэ и повесила его на ширму. Стройная фигура и нежная кожа обнажились, и я шаг за шагом направилась к купальне. Вода оказалась идеальной температуры, на её поверхности плавали лепестки цветов и поднимался густой белый пар. В клубящемся паре моё погружающееся в воду тело полностью скрылось. Встав в воде, я посмотрела на свою плоскую грудь и горько усмехнулась.

Когда-то, чтобы никто не догадался, что я женщина, я попросила Учителя отыскать способ сделать грудь плоской. И в конце концов Учитель действительно нашёл секретный рецепт. В десять лет, когда грудь ещё даже не начала развиваться, я приняла сваренную Учителем пилюлю. После этого грудь навсегда перестала расти, однако всё остальное женское естество осталось абсолютно неизменным. Когда я погрузился в раздумья, снаружи вдруг раздался стук в дверь. Испугавшись, я торопливо нырнул в воду, оставив на поверхности лишь голову, и крикнул в сторону выхода:

— К-кто там?!

— Ваше Высочество, это служанка Лоулань, — раздался за дверью голос Лоулань.

— В-ходите, пожалуйста.

Я всё ещё не мог оправиться от испуга, и от напряжения моё сердце забилось быстрее.

Услышав, как отворяется дверь, Лоулань вошла вместе с тремя другими служанками, в руках которых были принадлежности для купания.

— Вы... что делаете? — я слегка растерялся.

— Ваше Высочество, мы пришли помочь вам искупаться, — в один голос ответили служанки.

— А?!

Я от испуга выскочил из воды, так что моя верхняя часть туловища оказалась снаружи. Служанки, естественно, увидели мое крепкое тело, и их лица тут же густо покраснели, а головы опустились.

Заметив это, я тут же скрестил руки на груди и снова сел в воду, сказав служанкам:

— Вы... оставьте вещи и уходите. Я не люблю, когда во время купания кто-то присутствует. Если что-то понадобится, я сам вас позову, а без моего разрешения никому не смей входить!

— Слушаемся, Ваше Высочество, — служанки одна за другой опустили вещи и вышли за дверь.

— Фух... Хорошо, что у меня грудь плоская, не то разве я не выдала бы себя? — тихонько пробормотал я про себя.

После этого я взял лежавший рядом мыльный корень и принялся мыться. Вскоре я закончил, встал, вытер капли воды с тела белым банным полотенцем, взял оставленную Лоулань одежду и оделся...

Управляющий Чжан Фу уже давно всё уладил и теперь повсюду звал людей. Вскоре Чжан Фу подошел к двери моей купальни и, увидев стоявших на страже Лоулань и остальных, шагнул вперед и спросил:

— Ваше Высочество ещё внутри, принимает ванну? Голос Чрезвычайно Чжан Фу прозвучал как раз вовремя: негромкий и не слишком громкий. Я как раз закончил купаться и полностью оделся, а когда отворил дверь, сразу увидел его.

— Вы что-то хотели? — спросил я.

— Свидеюсь с вашим высочеством, — заметив, что я на мгновение замер, Чжан Фу тут же отвесил поклон. — Праздничный ужин уже готов, Князь приглашает вас пройти в зал.

— О, хорошо, я иду.

Сложив руки в приветственном жесте перед Чжан Фу, я направился во внутренние покои, а четыре служанки неотступно следователи следом.

Позади остался лишь шлейф свежего природного аромата и ошеломленный Чжан Фу с застывшим на лице выражением.

Благодаря подсказке Лоулань я легко отыскал дорогу во внутренние покои резиденции князя. Войдя внутрь, я обнаружил просторную комнату, в самом центре которой стоял огромный стол, способный легко вместить больше десятка человек. На нем красовались горы угощений: рыба, мясо птицы, несколько тарелок с овощами и две огромные супницы — всего добрых полтора десятка блюд. Чжан Мин, Сяо Юнь, Сыцин, Юньси и остальные уже сидели на своих местах, поджидая моего появления. Вокруг суетились служанки и слуги, создавая оживленную, праздничную атмосферу.

Стоило мне появиться в поле зрения, как все присутствующие замерли в изумлении. Лишь Юньси приветливо улыбалась, остальные же уставились на меня с глуповатым видом.

Озадаченный, я тронул себя за щеку и ошеломленно спросил:

— Что такое? У меня лицо грязное? Почему вы все так на меня смотрите?

— Ох, младший соученик, кажется, всех поразила твоя несравненная красота, — с легкой улыбкой произнесла Юньси, прикрыв рот рукой.

— Ха-ха... — неловко хихикнув, я прошел к свободному месту между Юньси и Сыцин и опустился на стул.

Лишь после этого домочадцы постепенно пришли в себя. Чжан Мин громко рассмеялся:

— Верно! С такой внешностью, как у Циэр, пожалуй, даже сам Пань-ань померкнет перед ним, ха-ха!

— И то верно, Князь. С ликом Циэр, боюсь, все девицы столицы до единой истопчут порог нашей резиденции, — подхватила Сяо Юнь с улыбкой.

— Ой, матушка с батюшкой, вы мне льстите, какой же я писанный красавец, — смущенно покраснел я, продолжая чувствовать себя не в своей тарелке.

Все рассмеялись. Лишь Сыцин по-прежнему неотрывно смотрела на меня, думая про себя, что только сейчас поняла, до чего же вырос ее старший брат и как сильно ему к лицу белый цвет.

Вскоре начался ужин. Отец с матерью, находя меня слишком худым и хрупким, то и дело принимались накладывать мне в пиалу куски мяса и овощей. Видя, как моя порция уже грозит превратиться в миниатюрный холм, я с улыбкой переложил часть еды Юньси и Сыцин, попросив их разделить со мной эту ношу под благовидным предлогом: мол, девушкам еще расти и расти, им положено питаться как следует. Юньси приняла угощение спокойно, лишь легко улыбнувшись и поблагодарив меня, а вот Сыцин почему-то залилась краской и потупилась. Неужели обычный обед может так смущать?

В разгар трапезы Сяо Юнь обратилась к госте:

— Юнь-гунян, не доставлял ли вам Циэр хлопот все те годы, что провел на горе? В детстве он рос ужасным егозой.

— Благородная госпожа, за все эти годы младший соученик вел себя исключительно послушно, — с улыбкой ответила Юньси, бросая на меня взгляд, полный невероятной, струящейся, словно вода, нежности. — Он снискал любовь и Учителя, и мою, а с его появлением на горе стало куда оживленнее.

Видя, сколь прекрасна и достойна Юньси, Сяо Юнь в глубине души решила сделать ее своей приемной дочерью и снова улыбнулась девушке:

— Юнь-гунян, мы с Князем так привязаны к тебе... Как ты смотришь на то, чтобы стать нашей названной дочерью?

Услышав это предложение, Чжан Мин мгновенно просиял и закивал:

— Да-да, Юнь-гунян, соглашайся стать нашей приемной дочерью!

Я тоже решил вставить словечко:

— Верно, Старшая сестра, ты ведь с детства росла круглой сиротой, а так у тебя появится надежная опора и настоящий дом.

Пораженная искренностью наших чувств, Юньси глубоко растрогалась. Она тут же поднялась с места, опустилась на колени перед Чжан Мином и Сяо Юнь и звонко произнесла:

— Си почитает приемного отца и приемную мать.

— Хорошо-хорошо-хорошо, дитя мое, поднимайся, не нужно церемоний. Поистине, сегодня в нашем доме двойная радость! — Сяо Юнь поспешно шагнула вперед, подняла Юньси на ноги,

взяла ее за руку и радостно оглядела остальных.

— Ха-ха.

— Сестрица Юнь! — раздался сладкий голосок Сыцин.

— Ах, сестрица Цин-эр, — улыбнулась та в ответ.

Глядя на эту теплую, дружную семью, я невольно подумал о том, что вот оно — истинное семейное очаг, до чего же уютное чувство. Я-то полагал, что сироте вроде меня не суждено изведать тепла родного дома в этой жизни, но кто бы мог подумать...

Видя счастливые улыбки близких, я почувствовал, как сердце наполняется теплом, и улыбнулся вместе со всеми.

После ужина я направился в западное крыло. Отыскав комнату Юньси и заглянув внутрь, я увидел, что она читает, и сразу спросил:

— Старшая сестра, найдется ли у тебя мазь для разгона крови и снятия синяков?

Заметив меня, Юньси тут же расплылась в улыбке, но, услышав про лекарство, слегка нахмурилась:

— Младший соученик, что случилось? Ты где-то ранен?

— Нет, не я. У меня в комнате одна служанка пострадала, — пояснил я.

— Вот как. Тогда погоди немного, я сейчас достану из узелка пузырек.

С этими словами она углубилась в спальню.

Вскоре Юньси вернулась и протянула мне заветный флакон. Поблагодарив ее, я уже собирался выйти, но она поспешно окликнула меня:

— Младший соученик, ты не хочешь побыть со мной еще немного?

— Нет, старшая сестра, мне нужно вернуться, чтобы как следует усвоить некоторые техники культивации клана зомби и навести порядок в правилах.

— Ну... ладно, — в глазах Юньси мелькнуло разочарование.

— Хорошенько отдохни, сестрица, я пошел.

Вернувшись к себе, я застал Лоулань за уборкой и, подойдя, протянул ей пузырек:

— Лоулань, у тебя лоб весь распух. Держи, это мазь от синяков и ушибов, намажь ушибленное место.

Та опешила, но тут же рухнула на колени:

— Благодарю ваше высочество!

Она попыталась снова поклониться до земли, но я вовремя перехватил ее.

— Эх, если ты будешь так кланяться каждый раз, твой лоб и за сто лет не заживет, —

усмехнулся я.

Лоулань подняла голову, встретила взглядом с моей улыбкой и на секунду снова растерялась.

Я попытался помочь ей подняться, но она тут же потупилась:

— Ваше высочество, мужчине и женщине не подобает прикасаться друг к другу.

Я пожал плечами:

— Тогда вставай сама.

— Слушаюсь.

— Ладно, больше ничего не нужно, ступай. Мне нужно почитать.

— Слушаюсь.

Лоулань тихонько вышла из комнаты.

Тогда я скрестил ноги на деревянном ложе, закрыл глаза и, сложив ладони на коленях, погрузился в медитацию. Я начал медленно осваивать три ступени внутренней силы, оставленные Древним Королем Трупов. Мои клыки постепенно удлинились и заострились, а тело окутал едва заметный черный тумок.

С тех пор как я стал Императором зомби, я отчетливо чувствовал в себе неисчерпаемый запас мощи, а моя внутренняя сила возросла многократно. Пожалуй, в превращении в Императора зомби были свои как плюсы, так и минусы!

Около двух часов спустя я наконец разделся и лег спать. Завтра отец собирался взять меня с собой во дворец на аудиенцию к Сыну Неба, так что требовалось встать пораньше.

<http://bllate.org/book/21768/2251104>